

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Дело *сибирского* душегуба

**Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 70-х.**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Валерий Георгиевич Шарапов

Дело сибирского душегуба

Серия «Детектив-Ностальгия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70334758

Дело сибирского душегуба: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-199396-2

Аннотация

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно.

Середина семидесятых. Небольшой сибирский городок Грибов объят ужасом. На опушке леса обнаружен труп десятилетней внучки председателя горисполкома. Маньяк задушил ее, изнасиловал и потом снял скальп. В составе следственной группы, ведущей дело, работает старший дознаватель Рита Вахромеева. Она вспоминает, что череда похожих преступлений уже происходила в этом городе много лет назад. Более того, это она, Рита, была той самой девочкой, которой чудом удалось тогда вырваться из рук душегуба... Неужели нелюдь снова выше на охоту? Старший лейтенант милиции Вахромеева решает лично поквитаться с убийцей...

Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Валерий Шарапов

Дело сибирского душегуба

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

Распахнулись глаза – и она испытала дикий страх. Она словно ослепла, перед глазами была густая чернота. Девочка в скрюченной позе лежала на полу, руки были связаны в запястьях. Ныли мышцы и суставы, болела голова, а вкус во рту был такой, словно выпила касторку. Может, это ей снится? Нет, тогда бы не болело... Девочка подтянула под себя ноги, чтобы уменьшить боль, попыталась успокоиться. Но как? Она еще не умела управлять своими чувствами. Ей было всего одиннадцать лет! Надо просто полежать, попытаться уснуть – и все пройдет, всегда будет мама и все остальное, к чему она так привыкла... Но ничего не менялось, и ее охватывал вселенский ужас. Она была в своей курточке, но пуговицы, кажется, оторвались, шапочку потеряла... Девочка потрясла ногами – осенние ботинки, купленные мамой еще весной, были на месте. «Мама! – сверкнуло в голове, – она ведь ждет, уже пришла с работы, наверное, нервничает...»

Девочка решила: надо успокоиться. Она была умна и рассудительна для своих лет, училась на твердые четверки. «Эх, Рита, – сокрушенно вздыхала классная руководительница Зоя Максимовна, – если бы не твои регулярные приступы лени и эта пагубная привычка лезть не в свои дела, ты бы стала моей любимицей и поступила бы в любой институт Красноярска». Всегда было смешно. Какой институт? Она учится в

четвертом классе, у нее впереди еще шесть лет учебы! Боль усилилась, она подползла ближе к стене, но руки задрались еще выше. Эту прерывистую боль пока еще можно было терпеть...

– Помогите, – неуверенно произнесла Рита. – Здесь есть кто-нибудь? – она не узнала свой сдавленный голос.

Прошуршали лапки, кто-то пискнул совсем рядом. Захлестнула волна страха – Рита замычала, стала бить ногой по полу. Холодный пот выступил на лбу. Крыса убежала, затаилась в темноте. Страх не отпускал, слезы бежали по щекам, девочка шмыгала носом, давилась соплями. Происходящее было выше ее понимания об окружающем мире. Папа не жил с мамой, но все равно приходил, играл с дочкой. О Рите заботились, ее баловали, оберегали от дурного воздействия улицы. Она закричала уже громче: «Помогите! Пожалуйста!» Стала извиваться. Но руки привязали к железному крюку, вмурованному в стену, оторвать веревку было невозможно. Кожу жгло – протерла до крови. Рита дрожала, рыдания сотрясали тельце. Никто не отзывался, не приходил на помощь. Крыса не возвращалась, попискивала в темноте. Сырость пробирала до костей. Где ее хваленые спокойствие и рассудительность? Насилу успокоилась, вернее, погрузилась в какое-то оцепенение. Глаза привыкли к темноте. В какой-то момент она обнаружила, что темнота не абсолютная. Проступали стены с ободранной штукатуркой, низкий потолок, на котором болталась лампочка. Немного света посту-

пало из крошечного оконца под потолком. Значит, полуподвал, не очень глубоко под землей. Прищурившись, она увидела звезды. Сколько времени она здесь? Звон в ушах стал меньше, она стала различать звуки – теперь не только крысиный писк. Капала вода, разбиваясь о бетонный пол. Где-то вдалеке проехала машина. Девочка заволновалась, снова стала кричать. Но крик застрял в горле, она закашляла. «Не впускай в себя страх, – мысленно твердила Рита. – Не впускай, будет только хуже. Так однажды говорил папа, когда она испугалась бродячей собаки. Псина зашла во двор, глухо зарычала, ее глаза горели. Рита с воплем умчалась, хлопнула дверью. Вечером рассказала отцу. «Не впускай в себя страх, милая, – строго внушал отец. – Пусть будет рядом, но не в тебе, иначе съест. Гони его и думай головой. Это всего лишь собака, она тоже боится. Веди себя естественно, не забывай, что с любой собакой можно справиться».

Что произошло? Шла из школы. Было три часа дня. Уроки закончились в час, но после занятий было пионерское собрание. Выступала завуч Антонина Савельевна, после завуча – председатель школьной дружины Максим Дубинин. Слушали историю становления детской ленинской организации, выяснили, чем пионеры отличаются от скаутов – детской организации в буржуазных странах... Что еще? Класс приняли в пионеры девятнадцатого мая, в День пионерии, пролетело лето, сейчас осень, конец сентября. Дождь прекратился, остаток дня выдался солнечным, Рита шла в расстегну-

той куртке поверх школьной формы, на ее груди алел пионерский галстук. Не привыкла еще к нему, необычно как-то... На повороте стоял Витька Малеев (по прозвищу Бармалеев) со своими дружками. Мимо пойдешь – точно привяжутся. С Витькой в этот день поцапались на математике, сорванец дернул Риту за волосы, а та в отместку подложила ему на сиденье кнопку. Витька сел – а потом так на нее посмотрел: мол, все, портфелем по затылку не отделаешься. Пришлось свернуть в переулочек – Витька с пацанами ее не заметили. Родители наставляли: не ходи по закоулкам. Но Рита пошла. Заборы, кусты, частные дома в низине, и жильцам не видно, кто идет по переулку. Машина стояла – вроде не легковая, в марках Рита не разбиралась. Задняя дверь была открыта, в машине возился человек в балахоне. Рита не видела его лица. «Девочка, помоги достать эту штуку, – с хрипотцой попросил дядечка. – Подержи вот здесь, а я достану». Помогать людям – первая обязанность пионера. Последнее, что запомнила – как к лицу прижали смоченную чем-то едким тряпку...

Страх вернулся: за дверью кто-то ходил! Правильно поняла: это не тот, кто ее спасет. Поскрипывала каменная крошка. Человек что-то перетаскивал, напевая под нос. Мурашки ползли по коже, девочку знобило. Повернулся ключ в замке, дверь со скрипом открылась. Возникло пятно. Горло сжалось, кричать она не могла. Слепил яркий свет. Кто-то подходил, девочка скулила, задыхалась. Казалось, еще немного,

и она умрет от страха. Голос прорезался, сначала Рита что-то пискнула, потом завизжала. Никто не препятствовал, незнакомец дождался, пока она захлебнется от визга, присел на корточки. Он с любопытством разглядывал искаженное от страха лицо девочки, получая удовольствие.

– Рита, Риточка, Ритуля... – пропел он хриплым голосом и засмеялся таким смехом, что кровь застыла в жилах. – Все хорошо, милая, потерпи, ладно? А потом мы с тобой поиграем. Я знаю одну забавную игру...

Откуда он знал, как ее зовут? Хотя все понятно, в портфеле были тетради по математике, по русскому языку ученицы 4-го «А» класса общеобразовательной школы... Пальцы коснулись плеча, побегали, сжали. Рита брыкнулась, взвизгнула – получила по макушке, и из глаз посыпались искры.

– Что же ты орешь так, Ритусик? – глухо ворковал незнакомец. – Думаешь, кто-то услышит? Веди себя прилично, ты же хорошая девочка. А знаешь, как мы поступим?

Он ушел, потом вернулся, стал разматывать широкую изоляционную ленту. Мурлыча под нос, обернул несколько раз вокруг головы девочки. Рита дернулась, но получила затрепину и замерла.

– Не вертись. Подождешь немного, хорошо? – изо рта этого зверя разило табаком, чем-то гнилостным. Дышать стало трудно, мешали сопли в носу, голова, казалось, распухла. Рита жалобно замычала. – Ну, потерпи, потерпи, – мужчина издевательски похлопал ее по щеке. – Я бы сразу тобой за-

нялся, но пока не могу.

Он привстал, проверил, как затянут узел на крюке, снова замурлыкал. Хрустнули коленные суставы, когда он поднимался. Шаги стали отдаляться, закрылась дверь, и в замке провернулся ключ. Девочка застыла в оцепенении, потекли длинные минуты. Глухо завелся двигатель, прерывисто заработал. Машина тронулась, и вскоре шум затих.

Рита выдохнула через нос, зашевелилась. Сделала попытку оттянуть языком вонючую изоленту – ничего не вышло. «Думай, думай, – говорила она себе. – Ты уже взрослая. Дома мама волнуется, папа может прийти. А мама однажды сказала, что папа только с виду такой здоровый и сильный. А на деле он больной. Не сбежал бы он к «той выдре», мама поставила бы его на ноги, а той это надо? Только и умеет задницей вертеть...» Рита привстала на колени, обернулась пару раз вокруг себя, чтобы раскрутить веревку. Поднялась на дрожащие ноги. Веревку прочно привязали к крюку, стащить не получилось, только вспотела. Это был тканевый трос с плоским сечением – очень прочный. Не капроновая веревка, которая легко развязывается. Другой конец обматывал запястья. Дотянуться до узла было невозможно, кисти так не гнулись. «Думай, думай, – умоляла она. – И перестань бояться, страх не поможет. Что было сегодня? Витька Малеев сидел на передней парте, обернулся, щелкнул тебя по носу, когда ты старательно записывала уравнение. Чуть язык не проглотила. Зоя Максимовна отвернулась, ты взяла учебник мате-

матики и треснула Малеева по башке, чтобы знал. Умнее тот не стал, дернул тебя за косичку. Ты стерпела, а потом дождалась, пока он привстанет, и сунула ему под задницу кнопку. Как красиво он подлетел... Пионеры смеялись, возмущалась Зоя Максимовна, Витька затаил обиду, да и шут с ним. Прозвенел звонок, Витька обернулся, сделал «козу» – ты дернулась, смахнула на пол пенал. Высыпались скрепки из коробочки. Витька засмеялся, убежал на перемену. Ты ползала по полу, собирала скрепки, убрала их на место, а коробочку – в пенал. Потом заметила еще одну под партой, нагнулась, сунула в правый карман форменного школьного платья, чтобы не открывать пенал и коробочку. Потом забыла. Она до сих пор в этом платье...» Ноги дрожали, не слушались, тянуло к полу. Но Рита держалась. Опустить руку в карман она не могла. Длина привязи – сантиметров двадцать. Куртка была расстегнута, не мешалась. Рита нащупала локтем форму в районе бокового кармана, потащила ее вверх. С третьей попытки платье задралось. Она вытягивала, как могла, большой палец левой руки, зацепила внутреннюю часть кармана. Потащила его вверх большим и указательным пальцами – осторожно, не дыша. Прижала карман предплечьем, чтобы не упал, просунула внутрь пальцы левой руки. Нашупала скрепку – сердце заколотилось. Выждала, перевела дыхание. Медленно стала разгибать скрепку, держа ее обеими руками. Отогнула кончик – не такой уж острый, но зазубренный. Выгнула кисть, насколько могла. Кончик канцелярского из-

делия карябал веревку у левого запястья без всякого, казалось бы, толка! Девочка заплакала – все напрасно. Она успокоилась, усилила нажим и чуть не выронила скрепку. Потом терла скрепкой несколько минут – и вдруг надорвала веревку! Сколько же времени понадобится, чтобы ее перетереть? Час? Два? А если жуткий дядька вскоре придет?

Пальцы онемели, но Рита терла, делала короткие передышки, молила бога, чтобы скрепка не выпала. Тогда все, другого шанса разрезать веревку не будет.

Это продолжалось минут сорок. Силы иссякли, но скрепка оставалась в руке. Что-то получалось. Дернула – веревка порвалась, руки оказались на свободе! Обрывки веревки повисли на крюке...

Она лежала на полу, не чуя ног, глотая слезы. Не верилось, что она это сделала. Запястья горели огнем. Стала отрывать от головы клейкую ленту, но руки ослабли, плохо слушались. Сдвинула ее на подбородок, вдохнула полной грудью, закашлялась...

В этот момент и появился страшный хозяин подземелья! Неслышно подъехала машина, где-то наверху заскрипела дверь. Слезы хлынули потоком, вернулся первобытный страх. Что может сделать маленькая девочка взрослому мужчине? Рита завывала тоскливо, обреченно...

Злоумышленник шатался по подземелью, снова что-то таскал, напевая под нос. Подошел к двери, открыл ее ключом. Вошел внутрь, встал, расставив ноги. Свет от фонаря

еще не осветил крюк в стене. Что-то просочилось между ног! Он замешкался, не успел схватить девчонку за шкурку. Рита перекатилась, перебежала на четвереньках. Соседнее помещение было просторнее предыдущего. Тусклый свет поступал непонятно откуда – он почти ничего не освещал! Девочка поднялась, куда-то бросилась, свалила колченогий стул. Сама не устояла на ногах, ударилась плечом о стену. Она металась, как загнанный бельчонок, что-то роняла, получала шишки. Ее преследовал луч света, но не поспевал за хаотичными метаниями девочки. Злоумышленник сипло смеялся.

– Bravo, Ритуля, не ожидал, да ты у нас просто молодец... Иди скорее ко мне, я тебя обниму...

Сердце сжималось от страха. Рита побежала, не видя дороги, споткнулась, растянулась на холодном полу. Свет, казалось, обжег ее. Несколько мгновений Рита приходила в себя, подняла голову. Незнакомец неспешно приближался, посмеивался. Лучик фонарика высвечивал во мраке ржавые потеки на ободранных стенах, свисающую, словно бахрому, штукатурку. Какие-то измазанные лопаты, разорванный мешок с цементом. Осветилось мертвое детское лицо, рядом еще одно. Две девочки без одежды лежали рядом, их лица были в крови, в глазах застыла нестерпимая боль, а волосы... Волос почему-то не было, но было много крови – она засохла, казалось, девочки надели на головы кровавые шапочки. Рита никогда не задумывалась о смерти – ее холили, лелеяли, оберегали от всего страшного. Но что такое смерть, де-

вочка знала, недавно скончалась бабушка, и страшная тайна человеческой жизни вылезла наружу: люди, оказываются, смертные. Паралич сковал конечности, Рита безотрывно смотрела в мертвые глаза девочек. Эти бедняжки были того же возраста, что и она. Одну из них Рита знала – не близко, но видела, наверное, учились в параллельных классах... Что-то сдвинулось в голове, туман накрыл жуткую картину. Именно в этот момент с ней что-то произошло. Опустился занавес, закончился спектакль, остался лишь животный ужас. Она не могла пошевелиться, дрожали руки. За спиной раздался шорох, человек нагнулся, и тяжелое дыхание обожгло затылок. Незнакомец утробно урчал, цепкие пальцы схватили ворот ее куртки. Вернулась чувствительность, Рита завизжала, стала вертеться. Она вырвалась! Злоумышленник, не ожидавший такой реакции, замешкался. Девочка покатила по полу, вереща во весь голос, и вскочила. Луч фонарика заметался, злодей не успевал отслеживать ее перемещения. Он тоже был подвижен, не отставал. Обозначился деревянный косяк, чернота внутри проема. Рита нырнула в него за мгновение до того, как ей перекрыли дорогу. Страшный дядька уже не смеялся, он тяжело дышал и сдавленно матерился. Девочка выбежала в соседнее помещение. Здесь не было абсолютной темноты, источник света находился в смежном отсеке. Это были подвалы заброшенного предприятия или что-то в этом роде. Остатки мебели, доски, оборудование под пыльными чехлами. У девочки словно выросли

крылья! Она, как бабочка, полетела на свет. Злоумышленник споткнулся о порог, это и отсрочило неизбежное. Грязно ругаясь, он растянулся на полу, но живо поднялся, бросился в погоню. В соседнем зале горела маломощная лампочка, освещающая какие-то лопасти, обросшие грязью вентиляционные решетки. Чернел проем. Рита шмыгнула в него, взлетела по ступеням, уперлась в скособоченную стальную дверь. Она запиралась на засов. Открыть дверь не составило труда даже ребенку. Дверные петли были смазаны, засов разработан. Ее уже настигали, когда Рита кубарем выкатилась на улицу! Она помчалась, не веря своему счастью, не видя дороги, с воем покатила по кирпичной крошке. Но поднялась, обернулась. Незнакомец тоже выбежал на улицу, светил фонарем во все стороны. Испустил злорадный рык, обнаружив беглянку. Настала ночь, тучи затянули небо. Ветер налетал порывами, швырял потоки воды, льющейся с неба. Девочка не замечала дождя. Она бежала, перепрыгнула через обломок бетонной плиты. Здесь был задний двор, громоздились плиты, металлический мусор. Чуть не ухнула в открытый колодец, но сумела перемахнуть его. За спиной доносился топот, злодей приближался. Теперь она не оборачивалась, улепетывала, как заяц. Чернел лес, а может, просто лесополоса. Осенние ботиночки вязли в грязи, но страх гнал ее все дальше. Деревья были рядом. Рита задыхалась, боялась обернуться. Влетела в лес, посадила шишку на лоб, ударившись о какой-то толстый сучок. Старые осины перемежались

березами, хрустел под ногами увядающий папоротник. Пошли лопухи, нога провалилась в какую-то яму. Прыжок не удался, она упала боком, угодив в перехлесты корней. Листья репейника сомкнулись над головой. Риту обуял невыносимый страх, но она поняла, что вставать нельзя, угодит прямо в лапы подбегающему злодею. А тот уже был рядом, отдувался. Он тащил что-то тяжелое, бряцал металл. Даже представлять не хотелось, что это такое... Рита сжалась в комочек, зажмурилась. С закрытыми глазами намного проще перебороть страх...

Трещали сучья, подбежал человек. Он запнулся, глухо выругался, встал. Луч света блуждал по деревьям, по лопухам под ногами.

– Ритуся, детка, куда же ты так спешишь? – прозвучал над головой голос. – Вставай, поднимайся, родная моя, я вижу тебя...

От страха заledenело сердце, ком застрял в горле. Рита съежилась и твердо решила: вставать не буду. Если надо, пусть сам поднимает. Мучительно тянулись секунды. Сердце колотилось, казалось, этот стук разносится по всему лесу. Незнакомец выжидал. Потом сплюнул, двинулся дальше. Чавкала под ногами мокрая земля. Врал он все, не видел он девочку! А ведь мог посмотреть под ноги! Рита лежала ни жива ни мертва. Треск сучьев стал затихать. Но ей не хватило терпения, она выбралась из ямы, побежала куда-то по диагонали. И зря! Злодей расхохотался, бросился наперерез. Его

фигура мелькала за деревьями. Виднелся просвет, проехала машина. Рита первой выбежала на опушку! Куртка превратилась в лохмотья, она постоянно за что-то цеплялась. Проваливались ноги, но Рита выбралась из канавы и оказалась на проезжей части. С обеих сторон возвышался лес, слева виднелись постройки. Там – в нескольких шагах – начинался город! Трасса уносилась вдоль массивов осин. В город двигалась машина. Рита замахала руками, но тщетно, автомобиль уже уехал. Его фары озаряли вдаль установленный вдоль дороги плакат с огромными буквами: «Решения XXI съезда КПСС – выполним!» Рита побежала к строениям, хотя до них было не меньше километра. Что-то черное двигалось наперерез, выбиралось из канавы. Злодей не собирался отпускать свою добычу! Ноги подкашивались от усталости, Рита бежала. А может, ей думалось, что бежит, а на самом деле она едва ковыляла... Она припустила обратно, сообразив, что не успеет проскочить. Сзади приближалась машина. Светили фары, водитель отчаянно давил на клаксон. Рита метнулась к обочине, стала отчаянно семафорить, кричать: «Помогите! Помогите!» Машина, не останавливаясь, проехала мимо. Девочка побежала дальше, она выдыхалась, чудилось, что к ее ногам привязаны чугунные гири. Приближался второй автомобиль. Рита замахала руками, кричать на уже не могла. Водитель стал останавливаться – закрепили тормоза. Это была «Победа» – «ГАЗ-М-20», не новая, с помятым капотом. Девочка бросилась к машине. За спиной

прогремел выстрел из охотничьего ружья! Следом еще один – для остротки. Заметалось эхо между обочинами. Водитель струхнул, поддал газу. Он объехал детскую фигурку и помчался дальше. За спиной прозвучал дьявольский смех. Внутренности онемели, Рита задыхалась. Она опять осталась наедине с чудовищем. Силы покинули ребенка. Рита ковыляла по дороге, давилась слезами. Дождь продолжал идти, холодные капли проникали за воротник. Отклеилась подошва от демисезонного ботинка, она болталась, мешала передвигаться. Злоумышленник топал по дороге, догонял. А Рита выдохлась, больше не могла сопротивляться. Их разделяли считанные метры. Дождь усилился, предельно ухудшив видимость. Подвернулась нога с порванным ботинком, было очень больно. Рита села посреди дороги, залилась слезами, стала растирать глаза грязными кулачками. Нависла тень чудовища, крепкие пальцы вцепились в ворот...

Глава первая

Всю ночь шел дождь, бил по стеклам, заливал дороги и тротуары. На рассвете прекратился. Когда я открыла глаза, выбираясь из странного сна, по карнизу уже ничто не стучало, солнышко пробивалось сквозь штору. Колебался потолок, который давно пора было побелить. Сон был очень странный, невероятные события происходили словно в реальных декорациях. Оставалось лишь гадать, что это было. Я выбиралась из кровати, как из зыбкого песка. Настенные часы показывали половину девятого. Ничего ужасного, сегодня суббота. Я сидела на кровати, стряхивая остатки сна. Рядом что-то заворочалось, отогнулось одеяло, возникло существо мужского пола – заспанное, взъерошенное. «Вахромеева, ты падшая женщина», – с тоской подумала я.

– Малеев, что ты делаешь в моей постели? – прохрипела я. В голове витали обрывки недосмотренного сна (а бывают вообще досмотренные сны?), смутные мечтания и какое-то безотчетное беспокойство.

– Вахромеева, перестань, мы с тобой шесть лет жена-ты... – отозвался мужик и снова спрятался под одеялом.

Я машинально себя ощупала, ночная сорочка была на месте. Ладно, поверим на слово... Голова возвращалась в норму, сон уже не путался с явью. Спать не хотелось. Я натянула халат, побрела на кухню. Солнце передумало ярко све-

тить, спряталось за облаками. Я отогнула занавеску, убедилась, что нет дождя, машинально потрогала батарею. Тепло не дали, хотя могли бы, сентябрь в разгаре, а живем мы не в Сочи. Пока еще было терпимо, но с каждым днем становилось неуютнее, приходилось спать под двумя одеялами. На газовой плите забурчал чайник. Я слила подогретую воду в турку, добавила кофе и включила соседнюю конфорку. Кофе превращался в дефицит, добыть его без нервов становилось невозможно. Я задумалась, в итоге чуть не проворонила кофе – отставила турку, когда по ней уже сползала пена.

Жизнь возвращалась с каждым глотком напитка, очертания предметов становились резче. Я обитала в двухкомнатной квартире на шестом этаже девятиэтажного дома в центре славного городка Грибова, затерянного в красноярской тайге. Стандартные комнаты, стандартная кухня, стандартный вид из окна во двор. Я стояла у окна с чашкой в руке, смотрела вниз, словно искала что-то новое в застывшем пейзаже. Но там ничего не менялось. Заборы, детская площадка, напротив – пятиэтажка с залитой гудроном крышей. Несколько машин, редкие прохожие, задирающие голову к небу. На торце райисполкома, до которого по прямой двести метров – белым по красному: «Решения XXV съезда КПСС – одобряем!» На дворе 18 сентября 1976 года, суббота. Плакатов и транспарантов в стране победившего социализма становилось больше, колбасы – меньше. Приближалась знаменательная дата, до нее оставался год с хвостиком – шестидеся-

тая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Большую часть своей сознательной жизни я провела в Грибове. Городок не самый захудалый, сорок тысяч населения, 150 километров на северо-восток от Красноярска, между Енисеем и Бирюсой...

Я забралась в одноименный холодильник, поискала что-нибудь съедобное. Добытчик в семье отсутствовал. Пожевала вчерашнюю кашу, вынула тарелку с позавчерашними пельменями, прикрытыми блюдцем. Съела их с остатками кофе. Снова застыла у окна, всматривалась в лица прохожих. Город раскинулся на десять километров. А с учетом окрестных деревень и поселков – целая агломерация. Важный индустриальный центр, здесь работал мощный оловокомбинат, ставший некогда градообразующим предприятием. Помимо «Оловяшки» – еще ряд заводов и фабрик, в основном обрабатывающих цветные металлы: цинк, свинец, медь, кадмий. Месторождения находились севернее – тайгу прорезала сеть узкоколеек. Грибов был классическим промышленным городом. Дым, смог, вредные и не очень выбросы. Трубы заводов тянулись в небо. Жилые зоны чередовались с индустриальными районами, простирался обширный частный сектор, который неспешно заглатывали серые пятиэтажки. Но зеленых зон в городе хватало, власти с переменным успехом боролись со свалками, разбивая скверы. Я не была фанаткой этого поселения, но все же признавала – оно не хуже других. Упрощенная версия какого-нибудь уральского индустриаль-

ного района. Зато за городом, в какую сторону ни пойдешь, начиналась девственная, никем не испорченная природа...

— Дорогая, что делаешь? — донесся из спальни слабый голос.

— Курю, — отозвалась я.

— Ты же не куришь.

— Ладно, ты меня раскусил, — я вздохнула. — Не курю.

— Может, полежим? — в голосе благоверного прослеживалась неуверенность. Он словно и не хотел.

— Может, вечером? — отозвалась я с той же неуверенностью.

— Ладно... — он драматично вздохнул, заскрипела кровать, видимо, перевернулся на другой бок. Возвращаться в постель решительно не хотелось, но как ему это объяснить человеческим языком? От неловкой ситуации избавил телефон, зазвонивший в прихожей. Я отправилась в коридор, пулей промчавшись мимо спальни.

— Вахромеева, ты? — грубовато осведомился старший лейтенант Полухин, дежурный по управлению.

— И что? — буркнула я, — Тридцать лет как Вахромеева и еще бы дважды по столько не возражала. Что надо? — безотчетное беспокойство вдруг усилилось, отодвинув в сторону меланхолию и неловкость.

— Тебе же нет тридцати, — задумался дежурный. — Знаешь, Вахромеева, ты единственная в мире баба, которая преувеличивает свой возраст. Хатынский просил передать, что хо-

чет видеть тебя на работе. Кое-что произошло...

– А то, что на дворе суббота – ничего?

– Ничего, – уверил Полухин, – это нормально. Преступники работают без выходных, нам надо брать с них пример.

– Что случилось, хоть намекни? – настроение было и так-то не очень, а теперь окончательно свалилось на дно колодца.

– Я точно не знаю... – начал выкручиваться дежурный. – Лазаренко принимал вызов... Слушай, Вахромеева, не тяни резину, приезжай, сама все узнаешь... – Голос дежурного по управлению подозрительно дрогнул, и он швырнул трубку.

А я свою положила аккуратно – ее так часто швыряли, что треснул корпус, и пришлось обмотать его изолентой. В финальных нотках дежурного звучало что-то... растерянное, что ли. Вроде ко всему привыкли. Или еще нет? По правде, не хотелось сидеть дома. Бежать на работу тоже не хотелось, но это другая история. Когда я пробежала мимо спальни, Малеев снова высунул нос из-под одеяла, сладко зевнул.

– Далеко, дорогая?

– На работу вызывают, – отчиталась я.

Шкаф с одеждой находился в гостиной. «Ты ужасно не организованный», – сокрушался мой избранный. Я не возражала. Однако смысл имелся: терпеть не могу одеваться в присутствии посторонних. В полный парад сегодня можно было не облачаться. Я надела строгий костюм, рассчитанный именно на то, чтобы никто не заподозрил во мне женщину, причесалась. Из зазеркалья смотрела странная особа с серо-

ватым лицом и зелеными глазами. Ей не мешало бы потолстеть. Крутиться перед зеркалом было не самым моим любимым занятием. С некоторых пор отражение перестало молодеть. Большого неприятия оно пока не вызывало, но уже начинало раздражать. Это был тревожный звоночек. Я снова куда-то проваливалась. Мысли потекли обходным маршрутом. Опомнилась, бросилась в прихожую.

– Когда придешь? – крикнул вдогонку Малеев.

Аж злость взяла – разлегся тут. Законный выходной у человека. Творческий работник, замдиректора Дома культуры – там никого не убивают, не грабят, начальство с ножом у горла не стоит, ежедневные отчеты не требует...

– Даже не знаю, милый, – проворковала я. – Хотелось бы пораньше, но с этой работой, сам знаешь... Раньше вечера не жди. Можешь уборку сделать, ужин приготовить, займись чем-нибудь...

– А поцеловать? – спохватился Малеев, но я уже была в прихожей.

– Вечером! – прокричала я, всовывая ноги в чехословацкие демисезонные туфли.

Приличный, кстати, год. В СССР потоком шли товары из братских восточноевропейских стран. Чешская обувь, одежда из ГДР и Польши, болгарский табак, овощи, фрукты, югославская кухонная техника. Доставалось это, понятно, не всем, но если имеешь знакомства и определенные навыки в добывании товаров, то в целом без проблем. И вообще хоро-

ший год. Развитой социализм построили, войн нет, отгремела Олимпиада в Инсбруке, где Советский Союз занял второе место, отгремел XXV съезд партии с очередными эпохальными решениями. Неувядающий Леонид Ильич съездил на Кубу, где обнимался с товарищем Фиделем Кастро, о чем-то договорился в Ливии с товарищем Каддафи, подписал договор с Америкой о подземных ядерных испытаниях в мирных целях. В Набережных Челнах вступил в строй автомобильный гигант КамАЗ. В Липецком научном центре заработала первая электронно-вычислительная машина. По всей стране открывались крупные рыбные магазины «Океан» – и до изобилия (по крайней мере, рыбного) было теперь рукой подать...

В прихожей я снова глянула в зеркало. Для определения, так сказать, мнения о том, готова ли к труду и обороне старший лейтенант милиции Вахромеева – заместитель начальника отдела дознания Грибовского УВД? Что-то в этом взгляде внушало сомнения. Беспокойство росло, колебалось на грани паники. Я ничего не понимала. Видимо, не стоило ехать на работу. Но я поехала.

Рядом с домом коротал ночные часы в меру ржавый синий «Москвич-408», купленный в прошлом году у более удачливого коллеги, присмотревшего «Москвич-412». Права я получила в ДОСААФ два года назад. Сколько крови при этом пролилось, лучше не вспоминать. До работы четыре минуты езды на машине – можно пешком, но как-то не по чину...

Не дойдя до своего кабинета, я в коридоре столкнулась с подполковником Хатынским. Высокий, седоватый, за пятьдесят лет, Виктор Анатольевич производил положительное впечатление. С подчиненными общался уважительно, спокойно. Мог, правда, иной раз и наорать, но особо этим делом не увлекался.

– Вот ты где, Вахромеева, – обрадовался Хатынский. – Большое спасибо, что вышла на работу – от всего коллектива, так сказать, и от себя лично. Не бойся, без иронии. В кабинет можешь не заходить. Опера выезжают через три минуты. Поедешь с ними. Скажу по секрету – это убийство... – Виктор Анатольевич как-то стушевался, стал прятать глаза – ну, вылитый дежурный Полухин номер два!

Я открыла было рот, чтобы напомнить о своих обязанностях. Подразделение дознания занимается расследованием уголовных дел и направлением их в суд. Но только этим оно роднится со следствием. Наши отделы расследуют преступления небольшой и средней тяжести, за которые могут отправить за решетку максимум лет на пять. Тем самым мы своей работой снимаем нагрузку со следователей, избавляя их от необходимости заниматься пустяками. А еще органы дознания проводят предварительное расследование по уголовным делам, в которых не обязательно проведение предварительного следствия.

– Так, помолчи, – поморщился Хатынский. – Знаю, что ты хочешь сказать. Хорошо, кстати, выглядишь, Вахромеева.

Немного серовато, формально, но... хорошо.

Два года назад Виктор Анатольевич пытался за мной приударить. Вился кругами вокруг моего стола, заходил без причины, всячески опекал. Однажды предложил посидеть в кафе после работы. «Это приказ?» – пошутила я. И напомнила про мужа – тезку моего нового воздыхателя. Объяснила тактично, стараясь не задеть тонкие мужские струны – ведь все они такие нежные, чувствительные! Проблемы на работе мне не требовались. Вроде разошлись, пошутили на прощание, Виктор Анатольевич оказался незлопамятным. У него была семья – две дочери, улетевшие из семейного гнезда, супруга – милейшая интеллигентная женщина. Что еще надо мужику?

– Войди в положение, Вахромеева, – увещевал Хатынский. – Следователь Кожемякин в отпуске, поехал к родным на Сахалин. А это далеко даже от нас. Липницкая в больнице – по вашим женским делам. Больше никого, хоть шаром покати. Так что прогуляйся, Вахромеева, в качестве исключения. Ознакомишься с ситуацией, соберешь отчеты криминалистов, оперативников, возбудишь уголовное дело, а большего от тебя и не требуется. Ты сможешь. Или не мечтаешь уже стать нормальным следователем?

– Кого убили-то? – проворчала я.

– Поезжайте, товарищ старший лейтенант, и во всем разберитесь, – подполковник отвернулся и стал удаляться.

Преследовало ощущение, что меня подставляют. Имелись

догадки, но так не хотелось в них верить... Путешествовать с опергруппой я отказалась, отправилась своим ходом, уточнив координаты: второй километр Приваловского шоссе. «Москвич» начинал барахлить – заводился после долгих уговоров, издавал пугающие звуки.

«Замок зажигания надо менять, – объяснил всезнающий слесарь дядя Володя из управленческого гаража. – И генератор капитально ремонтировать. Но на нас, дорогуша, даже не рассчитывай, все запчасти под строгим учетом. Ищи сама и приноси – сделаем».

Дефицит запчастей в Стране Советов был чудовищным – даже для сотрудников органов. Родному мужу проблемы машины были до лампочки. Но машина пока ездил, и то хорошо...

Приваловское шоссе стартовало от автовокзала на восточной окраине, перебегало мостик через Карагач и терялось среди лесов и деревень. Я медленно вела машину, объезжая выбоины в асфальте. Водители-мужчины, обгоняя меня, посмеивались, какой-то хам гудел в спину.

С приближением к месту происшествия становилось беспокойно. Трасса на этом участке входила в поворот к мосту. Встречные машины выскакивали из слепой зоны, тарахтели по своей полосе. Слева к обочине подступал старый осинник, справа простирался сосновый бор. У левой обочины стояли машины патрульного экипажа, криминалистов, опергруппы на стареньком рижском «рафике». Я встала у

обочины, забрала свою сумку с ремешком, папку с бланками.

На опушке курили люди, смотрели на меня без обычного снисхождения. Я, обходя лужу, споткнулась. Никто не издевался, не иронизировал, хотя в иной день из кожи бы вылезли. Миша Хорунжев – молодой лейтенант с непокорными вихрами – даже помог перелезть через поваленную березу. Опера, покуривая, молчали. Отвернулся Глеб Шишковский – спокойный и рассудительный малый, – не дурак поленившись, но опер нормальный. Саня Горбанюк – рослый, стремительно лысеющий мужик, временно исполняющий обязанности начальника угро – сухо кивнул. Я тоже держалась официально.

Среди деревьев, метрах в пятнадцати от опушки, возились люди: криминалист Головаш Владимир Александрович – еще молодой, но уже много повидавший и грамотный, и взятая им на стажировку недавняя выпускница мединститута Римма Высоцкая, особа впечатлительная, между прочим, отличница. Сегодня Римма усердия не проявляла, двигалась приторможенно, и вид имела такой бледный, словно завтра ей рожать.

– Что случилось? – негромко спросила я.

– Она даже не в курсе, – вздохнул Хорунжев.

– В курсе чего? – разозлилась я. – Все такие таинственные, слова не вытянешь.

– Девочку убили, – пояснил Шишковский. – Тело полтора часа назад нашли грибники. Сейчас опят в лесу – хоть лопа-

той гребни...

К горлу подступил ком. Вот и сбывалось то, что пророчилось... Но что-то в этом деле все равно было не так. При чем тут моя персона? Или беда на всех общая?

– Та самая девочка? – спросила я.

– Та самая, – мрачно и торжественно подтвердил Горбачук. У него был густой выразительный голос – с таким природным даром мог бы и диктором устроиться.

Двое суток назад пропала десятилетняя Дина Егорова, ученица четвертого класса средней школы № 1 и внучка председателя горисполкома товарища Егорова Павла Афанасьевича. Никто специально девочку не охранял, город спокойный, преступность не лютует. Возможно, присматривали, но у семи нянек, как известно... К тому же девочка проживала в обычной семье, сын Павла Афанасьевича привилегиями не пользовался. Девочка росла непоседливой, постоянно куда-то пропадала, но чтобы на двое суток... За ней присматривала няня, проживавшая в том же подъезде. Соседке, разумеется, приплачивали. Довести до школы в соседнем квартале, привести домой, накормить – вот и все обязанности. Супруги трудились на заводе «Красмет» – молодое начальственное звено. В четверг соседка, как обычно, отвела егозу в школу, вернулась домой. Около часа дня пошла обратно – Дины уже не было. Пропала на перемене перед последним уроком. Перемена была длинной, многие ученики проводили время на улице. Выбегали и за пределы школь-

ной территории. По словам подружек, подобрали на задворках бездомного котенка, стали с ним играть, потом вспомнили – надо на урок. Дина сказала, что сбегает к соседнему дому, может, пристроит котенка в добрые руки. Не бросать же его. Или пускай присмотрят, а после урока она заберет его домой – пусть мама с папой порадуются. Подружки побежали в школу, а Дина припустила через гаражи к жилым домам. Там целый квартал пятиэтажек. К началу урока Дина не пришла. К концу – тоже. В школьном дворе ее не было. Никто не видел девочку в нарядной пятнистой куртке и с забавными косичками. Соседка вся избегалась, пила корвалол с валидолом. Прибежал отец ребенка, приехала мать, впала в истерику. К окончанию рабочего дня в школу в сопровождении начальника ГУВД прибыл товарищ Егоров, он сильно волновался. Девочка не нашлась. Ждать двое суток не стали, заявлению дали ход. Соседку прессовали – ей по-настоящему стало плохо. За женщиной не было никакой вины. Весь остаток дня милиция прочесывала район, оперативники опрашивали жильцов. Ничего. В жилом массиве девочку, тем более с котенком, не видели. Хозяева гаражей разводили руками. Зачем она вообще здесь пошла? Пожилой автолюбитель припомнил, что вроде видел незнакомую машину, капот высывался из кустов. Насчет окраски не уверен – может быть, черная, синяя, темно-коричневая. С маркой – та же беда. «Москвич-408», «Москвич-412», «Иж-Комби» – у всех передок примерно похожий. И зрение у пожилого автолюбителя

теля так себе. Водителя рядом с машиной не видели. К тому же машина могла и не иметь отношения к пропаже ребенка. Стояла, что с того? Вечером Дина домой не вернулась, утром – тоже. Родители сходили с ума, Павлу Афанасьевичу вызвали скорую помощь. Милиция тактично интересовалась: не связано ли происшествие с его работой? Не было ли завистников? Не переходил ли кому дорогу? Не ввязывался ли Павел Афанасьевич в предприятия, не особо одобряемые Уголовным кодексом? Егоров категорически отвергал инсинуации. Оперативники недоумевали: куда могла пропасть девочка? Решила насолить родителям? Маловата для таких демаршей. И не тот характер, все в один голос утверждали: девочка домашняя, ссориться не любит. А мама с папой категорически запрещали заводить котенка...

Последнего, кстати, нашли. В кустах между гаражами. Лежал и жалобно мяукал. Пушистый, со светлым пятном на грудке. Подружки подтвердили: тот самый. Мать, когда услышала, разразилась горьким плачем. Дело принимало скверный оборот.

И все же подобного исхода дела не ожидали. Что угодно, только не это...

– Тебе, Маргарита Павловна, на это лучше не смотреть, – мрачно сказал Мишка Хорунжев.

– Может, сразу уволиться? – огрызнулась я. – Ладно, всякое видали.

– Не думаю, – поморщился Шишковский. – Такого, Мар-

гарита Павловна, даже мы не видели.

Я ступила в лес, как на минное поле, шла по нему, и дышать становилось все труднее. Тело лежало в густых лопухах, криминалисты накрыли его тканью, видимо, закончили работу. Римма сидела на корточках и заполняла бланк шариковой ручкой. Покосилась на меня, ничего не сказала. Отличительной чертой этой девушки были задорные веснушки, облепившие всю физиономию, а особенно курносый нос. Назвать ее симпатичной ничто не мешало, даже веснушки. Бледность прошла, и в графе «опыт» можно было поставить еще одну галочку.

Головаш разглядывал меня с меланхолией.

– Язык не повернется сказать «доброе утро», Маргарита Павловна. Скажем просто – здравствуйте.

– И вам того же, ребята... – в горле подозрительно запершило. – Это точно Дина Егорова?

– Да, – кивнул Владимир Александрович. – Тело обнажено, одежды нет. Личных вещей вроде школьного ранца тоже нет.

– Ранца не было, – подсказала я. – Пропала на перемене, была в шапке и курточке. Вещи оставались в классе.

– Принято, – кивнул Головаш. – Ее раздели, задушили, изнасиловали...

– Вы уверены, что именно в этой последовательности? – спросила Римма.

– Не уверен, – допустил эксперт. – Могли придушить, что-

бы не кричала и не сопротивлялась. Но потом все равно задушили. Половой контакт с трупом тоже допускаю, но это, извините... некрофилия какая-то, – эксперт с усилием сглотнул. – Убили здесь. Есть кровь, но немного, сами понимаете, от чего. Привезли на машине, затащили в лес, здесь и надругались. Время от двух до четырех часов ночи – примерно так. С дороги не видно, да и кто тут поедет от двух до четырех часов ночи...

– Рядом с телом лежало вот это, – Римма встала с корточек и сунула мне в руку предмет в целлофановом кульке. Я недоуменно повертела. Деревянная фигурка, способная поместиться в кулачке, гипертрофированный уродец, отдаленно смахивающий на птицу. Возможно, птица и была – ни на что другое уродец не походил. Взъерошенный экземпляр, резьба выполнена намеренно грубо, острый клюв, непропорциональные глаза, страшноватые коготки, сведенные вместе и приклеенные к овальной подставке. Данное изделие явно не плод фантазии советских мультипликаторов.

– Что это? – не поняла я.

– Сами скажите, – пожал плечами Головаш. – Это не наша компетенция. Фигурку потерпевшая сжимала в руке – явно вложил убийца. Сами выясняйте, что он хочет этим сказать. И еще одно... – Головаш помялся. – Этому нет объяснения... В общем, труп скальпирован.

– Вы уверены, Владимир Александрович? – картинка перед глазами вдруг стала туманиться. – Что за бред, ведь это

ребенок...

– Про это я и говорю, – вздохнул Головаш. – Но факт остается фактом, с головы покойной снят скальп. Простите за натурализм, делаются круговые надрезы ниже ушей, вокруг волосяного покрова – и голову просто вытряхивают, сжимая края кожи... В нашем случае скальп был снят вместе с ушами...

Римма отвернулась, взялась за горло. Но обошлось. Верной дорогой шла девушка, скоро станет невозмутимой, как сфинкс. А вот мне становилось дурно. Онемели конечности, я их почти не чувствовала. Тянувшее чувство возникло в лопатках – словно кто-то смотрел с противоположной стороны дороги. Недобро смотрел. Но я отвлеклась от этой мысли, мной вдруг овладевало желание взглянуть на труп... Куда меня понесло? Сделала знак Головашу: уберите простыню. Он поколебался, но убрал. Я смотрела на нагое тельце, и в душе, и в памяти что-то происходило. Словно тумблер перевели, и потекли воспоминания. Образы, видения, какая-то вакханалия... Я знала: что-то было той ночью, семнадцать лет назад, но заслонку в памяти не отодвигали. Может, и к лучшему. И вдруг отодвинули – и такое увиделось... Я смотрела на детское тело и начинала задыхаться. Кислорода не хватало. В потускневших глазах ребенка отпечатался пещерный ужас. Лицо исказилось – перед смертью ей было очень больно. Я однажды видела такие глаза – не эти, но такие же...

– Закурить дашь? – спросила Римма. Она стояла рядом,

держала за уголок целлофан с причудливой уликой. Я хотела сказать, что не курю, но только промычала. Казалось, кислород в природе закончился. Римма всмотрелась и тоже перепугалась.

– Алло, мать, ты чего? Эй, мужики, давайте сюда, девушке плохо!

Спихнулся Головаш, подставил плечо – я шаталась, как пьяная. Голову распирало. Самое время начинать борьбу за выживание. Меня куда-то повели. Озадаченно чесали затылки оперативники – чего это с ней? Через минуту я отдышалась, но состояние оставалось плачевным.

– Ты здесь, коллега? – всматриваясь в мое лицо, спросил Мишка Хорунжев. – Лунное затмение, Вахромеева?

– Ага, короткое замыкание, – усмехнулся Шишковский. – Ау, ты с нами, подруга? Пошли-ка к машине...

Я была никакая – хоть по асфальту размазывай. Когда меня грузили в мою машину (почему-то назад), казалось, из воздуха материализовался подполковник Хатынский Виктор Анатольевич. Он угрюмо наблюдал за происходящим. Не вынесла душа, лично прибыл на место происшествия. Поколебался, решил проявить участие.

– Сочувствую, Вахромеева, я явно переоценил твои возможности. Ладно, другие поработают. Поезжай домой и хорошенько отдохни, таблетки попей. В понедельник приходи, будем рады. Справишься? Глеб, отвезешь домой нашу фарфоровую вазу?

– Виктор Анатольевич, нам надо поговорить... – просто-нагла я.

– Поговорим, Вахромеева, обязательно поговорим. Вот в понедельник и начнем. Глеб, увози ее отсюда, пока я не начал ругаться...

Шишковский вел мою машину, как настоящий профессионал – практически не тормозя. Ямы и обрывы объезжал в последний момент. Признался по дороге, что готов везти меня хоть на край света, лишь бы не находиться на месте преступления. И прекрасно меня понимает.

– Эй, ты живая там? – спрашивал он, оборачиваясь через каждые сто метров. – Изрядно тебе поплохело, подруга, белая вся. Беременная, что ли?

Было плохо, но я посмеялась. Приеду – обязательно расскажу мужу, вместе посмеемся. Тема пополнения семейства у нас с Виктором поначалу вызывала интерес, но со временем теряла остроту и с каждым годом становилась все менее привлекательной. Меня эта тема вгоняла в грусть, Малеева – пугала. Зачем он женился на мне шесть лет назад, оставалось загадкой.

Окружающее меня пространство затягивал плотный туман. За окном мелькали кварталы нашего провинциального, но промышленно развитого городка. Дымили заводы и фабрики, гигантские плакаты на стенах зданий призывали крепить единство пролетариев всех стран. К булочной на улице Орджоникидзе вытянулась очередь. Хлеб пока не привез-

ли, но ожидалось. У пивного ларька за сквером Энергетиков тоже давились люди – даже больше, чем за хлебом. Пролетарии имели право на отдых. Зато у магазина радиодеталей никаких очередей не было – заходи и покупай, что хочешь. Мой дом находился в жилом квартале за школой номер два. В металлических гаражах, примыкающих к образовательному учреждению, школьники в темно-синей форме курили сплоченной командой. Преподаватели об этом не знали, но вся улица видела. Советские школьники учились по субботам. Наверное, и поэтому мечтали поскорее вырасти – чтобы иметь двухдневные выходные.

– Проводить тебя до постели? – обернулся и подмигнул Шишковский. – Мне не трудно, Вахромеева, добрые дела – это именно то, для чего существует милиция.

– Проводи, – проворчала я. – А то муж что-то расслабился. У памятника останови, ладно? Посижу, приду в себя, потом сама дойду...

– А где тут памятник? – Шишковский завертел головой. Потом сообразил, засмеялся, подвел машину к недостроенному зданию районной библиотеки. Начало строительства объекта четыре года назад стало главным культурным событием года. Обещали построить быстро и даже возвели трехэтажный каркас. Власти хвастались, что это будет крупнейшая библиотека в крае – отдельное красивое здание в доступном городском районе. Но на этапе возведения стен что-то пошло не так. Работы заморозили, строительную техни-

ку стыдливо вывезли под покровом ночи. Стройку обнесли забором, а самые живописные дыры затянули сеткой. Событие связывали со сменой первого секретаря, который, в отличие от предшественника, не любил читать, а любил футбол. Недостроенная библиотека превратилась в городской позор, зато в Грибове появилась футбольная команда и даже что-то выиграла на первенстве низшего дивизиона.

Я поблагодарила Глеба за доставку, попросила подогнать машину к подъезду, а сама перебралась через дорогу и битый час просидела на лавочке. Дышать стало легче, но в голове витали пугающие образы. Их предстояло систематизировать в хронологическом порядке. Кое-что я уже понимала. На часах был почти полдень, когда я вошла в подъезд. Ноги подкашивались, но в целом держали. Лифт работал, поднял меня на шестой этаж. Я открыла дверь ключом, вошла в прихожую. Повесила сумку на крючок, присела на мягкий пуфик. Что-то в квартире было не так. Я не сразу поняла, подняла голову, поводила носом, прислушалась. Все не так – запахи, звуки. Странные приглушенные голоса в голове, тихие стоны. Что со мной? Какие глубины подсознания разверзлись от увиденного в лесу? Впрочем, с подсознанием все было нормально – почудилось. Я на цыпочках пересекла гостиную, осторожно отворила дверь в спальню... и с открытым ртом застыла на пороге.

В моей постели творилось что-то невообразимое! В ней, как змеи в клубке, сплелись обнаженные тела, которые со-

вершали хаотичные движения. Женщина стонала, хрипел и кряхтел мой муж Малеев. Постельное белье было скомкано, одеяло валялось на полу. Я стояла и не верила глазам. Вот это да! Меньше всего ожидалось в собственной постели увидеть ВОТ ЭТО. Они не сразу обнаружили постороннюю, поскольку были увлечены своим делом. Я обломала им всю кульминацию – выразительно кашлянула. Что тут началось! Малеева отбросило от его любовницы, он выпучил глаза. «Дама сердца» расстроилась, хотя и не очень. Возможно, именно об этом она и мечтала. Сделала для порядка печальное лицо, прикрыла руками самые «ответственные» участки своих пышных телес. Я знала ее – Светка Елкина, одинокая разведенка с девятого этажа. Работала в торговле. Не красавица, постарше меня, низкорослая, пухлая – из тех, которых проще перепрыгнуть, чем обойти. Но на безрыбье, как говорится...

Малеев схватил одеяло с пола и стал в него заворачиваться, как будто прятал что-то такое, чего я не видела.

– Ритуля, ты сегодня так рано, ты же никогда так рано не приходишь, что случилось? – бормотал Малеев.

Мне даже жалко его стало – он трясся, словно подхватил лихорадку Западного Нила.

– То есть это я виновата, – хмыкнула я. – Рано пришла. Знаешь, дорогой, когда я тебе предложила чем-нибудь заняться в мое отсутствие, я имела в виду совсем не это.

– Подожди, Ритуля, – опомнился законный супруг. – Это

совсем не то, что ты подумала...

– Не то? – удивилась Елкина.

Я засмеялась каким-то утробным демоническим смехом – чего и сама от себя не ожидала. Пожалуй, в данном вопросе мы с любовницей моего мужа были на одной волне. Хотелось бы выслушать объяснение. Впрочем, нет, уже не хотелось.

– Одно огорчает, Малеев, – вздохнула я, – что вместо меня в нашей кровати не какая-нибудь хорошая девушка из приличной семьи, а эта... – я поколебалась, но закончила, – смесь бульдога с носорогом.

– Знаешь, Ритка, ты тоже не королева Марго, – огрызнулась Елкина, выбралась из кровати и стала одеваться, никого не стесняясь. Обиделась, что ли? А я-то гадала, чего она всякий раз отводит глаза и ухмыляется, когда мы сталкиваемся в лифте или у подъезда...

– Этого заberi, – кивнула я на мужа, который продолжал лежать под одеялом. Видимо, рассчитывал на прощение. – И презервативов побольше купи.

– Это еще зачем? – не поняла Светка.

Я популярно объяснила:

– Чтобы такие, как он, больше не рождались... Что ждем, Малеев? – обратилась я к своему суженому. – Кино окончено, больше ничего не будет. Сматывай удочки, три минуты на сборы. Бери только самое нужное. На развод подам сама. В понедельник, пока буду на работе, так и быть, можешь прийти и забрать свои вещи. Сопреешь что-то лишнее – по-

жалеешь. Квартира и машина – мои, даже не помышляй о них. Закон и справедливость на моей стороне. Вперед, душа моя, заре навстречу. Радуйся, Елкина, теперь это чудо – твое.

– Но, Рита, так нельзя... – потрясенно пробубнил Малеев – кажется, он начал соображать, что натворил. Пунцовая ранее физиономия приобретала цвет известки.

– Шевелись! – прикрикнула я. – Разговоров не будет! Хочешь права покачать? Ладно. Звоню ребятам из уголовного розыска, у них сегодня как раз паршивое настроение, и нужен подозреваемый. После беседы с ними тебя даже Елкина не возьмет. Вон отсюда! – вскричала я в порыве благородной ярости.

Малеев стал суетливо одеваться, что-то мямля под нос. Я удалилась в гостиную, терпеливо ждала его ухода. Ухмылялась Светка, добились-таки своего. А что, товар неплохой, не просроченный, надо брать. Когда еще удастся? Витька Малеев, между нами, девочками, парень видный, не дурак, хотя субъект, надо признаться, скользкий. И где шесть лет назад были мои глаза, отдельная грустная тема. «Вот и встало все на свои места, – думала я, наблюдая за его метаниями по гостиной, куда он переместился. – Все недосказанности, сомнения, подозрения. Ранний приход с работы – и все выстроилось по ранжиру, стало простым и понятным».

– Послушай, дорогая, может, все-таки... – сделал последний заход добиться перемирия Малеев.

– Проваливай! – прорычала я. – А то, видит бог, я за себя

не отвечаю!

Светка Елкина схватила Малеева за руку и потащила прочь из квартиры. Отметилось мимоходом: никакой гордости в современных бабах. Про мужиков и говорить нечего. Где те люди, что с боем брали Зимний и умирали на кронштадтском льду? Дверь захлопнулась. Наступила оглушительная тишина. Жить большого желания не было, но и в петлю не тянуло. Я на цыпочках вошла в прихожую, постояла у двери. Наверху сработал лифт, открылись двери. Странный сегодня день. Вернулась дрожь в коленках, поплыла голова. Я схватилась за стенку, чтобы не упасть. Появления Малеева ждать не приходилось, особенно в ближайшие часы. Светка возьмет его в оборот и своего добьется не мытьем, так катаньем.

Причудливо менялась жизнь — сознание не поспевало за событиями. Состояние ухудшалось. Возникла тяжесть в груди, чреватая новыми проблемами с дыханием. Я плохо помнила, как переодевалась в домашнюю одежду. Стащила с кровати скомканное постельное белье, вытряхнула подушки из наволочек, одеяло из пододеяльника. Потащила эту гору в коробку для грязной одежды, стала запихивать. Передумала, вынула обратно, стала утрамбовывать в помойное ведро. Именно так человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым. Потратила время, энергию, окончательно расклеилась. Бросила на диван подушку, завернулась в плед, уснула. Снилось полная белиберда, очнулась через несколько

часов с распухшей головой. Доползла до аптечки, отыскивала термометр. Других лекарств в доме не было. Градусник издевательски показывал 36 и 6. Но чувствовала я себя на все сорок. Что происходило? Снова устроилась на диване, свернула «конвертик» из пледа, попыталась уснуть. Плавала по волнам, падала с обрыва – очнулась, не долетев до дна. За окном стемнело. Состояние улучшилось, но осталась слабость. Странно, просыпался голод. Я побрела на кухню, извлекла из холодильника банку с вишневым вареньем, отыскиала в шкафчике корзинку с недоеденным овсяным печеньем, понесла все это на диван. Попутно включила телевизор. Как обидно! «Ирония судьбы» уже заканчивалась. Новый телефильм Рязанова о новогодних странностях судьбы впервые показали первого января текущего года. Народ было за уши не оттащить. Смотрели все, и даже мы с Малеевым. Сегодня решили повторить, чтобы население не скатилось в осеннюю хандру. Лукашин спал в своей квартире, Надя сидела рядом и будила его. Я открыла рот, чтобы не пропустить самое главное. В это время зазвонил телефон. Чертыхнувшись, я принесла телефон из прихожей – благо провод позволял.

– Приветствую, товарищ старший лейтенант, – поздоровался капитан Горбанюк из уголовного розыска. – Ты как? Звоню по поручению подполковника Хатынского... и от себя лично.

– Как Плохиш, – призналась я. – Банка варенья, корзина печенья. Пытаюсь смотреть «Иронию судьбы», но ты не да-

ешь.

– Не беда, Маргарита Павловна. В понедельник напомним, расскажу, чем все закончилось. То есть в целом норма? Голос слабый, но, главное, живая.

– А сам Виктор Анатольевич не мог позвонить?

– А ему статус не позволяет, – без обиняков объяснил Горбанюк. – Но человек переживает, не думай. Ты же у него одна... не считая остальных.

Краем глаза я следила за событиями на экране. Страстные объятия, заявили дружки-собутыльники, так некстати объявилась мама... Я еще не выучила этот фильм наизусть, и интрига сохранялась.

– Ты извинись от меня перед мужем, – сказал Горбанюк. – Все же посторонний мужик звонит. Но, сама понимаешь... коллектив волнуется.

– Хорошо, – согласилась я. – Извинюсь. Никаких проблем. Новости есть?

– Безрадостные, Маргарита Павловна. Вызвали кинолога с собакой, дошли до дороги, где собака и села. Другого от нее и не ждали. Нелюдь прибыл и убыл на машине. Ночью и утром шел сильный дождь, смыл следы, если таковые были. В окрестностях тела ничего интересного не нашли...

– Биоматериал? – перебила я. – Кровь, сопли, слюни, сперма, может, моча?

– Ничего, – повторил капитан. – Убийца не зря раздел жертву и забрал одежду. Он не дурак.

– Он точно был один?

– А маньяков бывает двое? – озадачился собеседник. – Хотя тьфу на меня, за такие слова можно и выговор получить...

– Вот именно. Ты еще скажи, массовый убийца, или, как говорят за бугром, серийный убийца. Виктор Анатольевич такое не одобрит. Серия подразумевает несколько аналогичных эпизодов. Нам только этого не хватало.

– Согласен. То, что случилось, уже перебор. До пенсии расхлебывать. Убийство совершено с крайней жестокостью, такого мы еще не видали. Похищение, изнасилование, убийство, да еще и скальпирование – и все это касается десятилетней девочки... Павла Афанасьевича Егорова увезла с инфарктом скорая. Возможно, выкарабкается, но работать уже не сможет. У матери Дины поехала крыша – будем надеяться, вернется на место. Отец держится, но замкнулся, слова не вытянешь. В общем, что удалось выяснить... семье не угрожали, никакие подозрительные личности вокруг дома не крутились, жизнь шла своим чередом...

– Он просто хватает девочек примерно одного возраста, возможно, с определенной внешностью, – сказала я. – Где ему удобно, где есть возможность остаться незамеченным – там и хватает. И неважно, кто она – внучка председателя горисполкома или дочь технички. Отключает сознание эфиром, бросает в багажник и увозит...

– А ты откуда знаешь? – насторожился Горбанюк. – Так

говоришь, словно случай не единичный.

– Предположение, – объяснила я. – Что еще?

– Ничего. Снова отработывали те самые гаражи за школой. Опрашивали всех подряд. Ни одного завалящего очевидца. Девочку с котенком будто корова языком слизала. Вся надежда на ту неопознанную машину – то ли «Москвич», то ли «Иж-Комби». Но автомобилей, подходящих под описание, только в нашем городе триста штук – сама понимаешь, во что это выльется. А в отделе четверо, и телефон постоянно барахлит.

– Что по птичке?

– Издеваешься? – рассердился Горбанюк. – Только об этих уродцах и думали. Ну, вложил девочке в руку поделку – и теперь мы должны его мысли угадывать? Психологический образ составлять? На фигурке нет исходящих данных – кто производил, артикул, номер партии. Уродство какое-то, а не поделка. Явная кустарщина, может, сам убийца вырезал и наделил ее глубоким смыслом... Считаешь, это важно? – насторожился Горбанюк.

– Понятия не имею. Но сам сказал – вырезал и наделил смыслом. Больше ничего?

– самого главного не сказал, – мрачно проговорил капитан. – То, что похитили и убили не простую девочку, а внучку предгорисполкома, уже аукнулось. В Грибов приезжает старший следователь по особо важным делам краевой прокуратуры. Хорошо, что один. И хорошо, что прокуратура кра-

евая, а не Генеральная. Но все равно хорошего мало. Будет наводить свои порядки, учить работать. Ладно, Вахромеева, доедай свое варенье и смотри, чтобы ничего не слиплось...

Новость о приезде следователя меня не кольнула. Пусть хоть все приезжают. Телевизор начал рябить, побежали полосы. Но все прошло, вернулось изображение. Малеев не объявлялся – видимо, давал мне время сойти с ума и начать молиться о его возвращении. Вишневое варенье только раздражило аппетит. Соорудив себе пончо из пледа, я побрела на кухню, забралась в холодильник. Оценка «мышь повесилась» была бы грубоватой, но суть отражала. Именно сегодня продукты вздумали закончиться. Предстояла беготня по магазинам, но точно не сегодня. С продуктами в стране творилось что-то странное. Не то чтобы все пропало, но понемногу начинало пропадать. Промышленность наращивала обороты, производилось все и в нужном объеме, братские страны эшелонами отправляли к нам свои товары. Но вот же парадокс – по дороге все терялось, не доходя до населения. Вспомнился анекдот: дети пишут диктанта. Учительница диктует: «Вороне где-то бог послал кусочек сыра». Все пишут, Вовочка руку тянет: «Мария Ивановна, бога же нет, сами говорили». – «Знаешь, Вовочка, сыра тоже нет, так что же теперь, диктант не писать?» Я не антисоветчица, горячо поддерживаю линию партии (а если и колеблюсь, то вместе с ней), но надо же высмеивать отдельные недостатки?.. В итоге отыскала три последних яйца, сварганила глазунью. В мо-

розилке отыскиались куриные субпродукты – жутко обрадовалась, хоть завтра никуда не идти. До понедельника из дома – ни ногой.

Стало легче, но подавленность не проходила. Я готова была на все, лишь бы не остаться наедине с прошлым. После ужина снова включила телевизор, зарылась в плед. Крутили в записи речь Леонида Ильича на пленуме ЦК КПСС. Генеральный секретарь пока еще смотрелся неплохо, но уже не то. Возраст брал свое, поседели густая шевелюра и знаменитые брови, кожа обвисла, перекатывалась на шею. Он начал шепелявить, теряться в пространстве, иногда задумывался – правильно ли читает по бумажке? «Бровеносец в потемках» – гулял по кухням анекдот из трех слов. Из сбивчивой речи явствовало, что в стране все прекрасно, прогрессивный мир за нас, и нужно сделать лишь последний рывок, чтобы искупаться в лучах прекрасного коммунистического завтра. Эти мантры звучали из каждого холодильника, к ним привыкли, и мало кто задумывался, что они означают. Хотелось переключить программу, но не хотелось вставать. Вот бы научиться переключать каналы усилием мысли.

Внезапно с Леонидом Ильичом произошла беда – он стал пропадать, по экрану побежали волны. Речь окончательно скомкалась и превратилась в треск. Рябящее изображение немного повисело и свернулось. Значит, судьба. Обмотавшись пледом, я слезла с дивана и отправилась ремонтировать бытовую технику. Трахнула ладошкой по крышке теле-

визора. Изображение вернулось, я обрадовалась: советское – значит, отличное! Но пока дошла до дивана, телик снова сломался, и на этот раз окончательно. Смутно вспомнился Малеев – уж этот изменник сразу вызвал бы мастера. Но, с другой стороны, появилась свобода – можно читать книжки, вышивать крестиком, пилить лобзиком, выжигать выжигателем... Я выдернула вилку из розетки и забралась на диван. Гнетущие мысли тут же полезли в голову. Я побежала на кухню, извлекла из шкафа початую бутылку грузинского коньяка и стала ее гипнотизировать. Будь я своим мужем (надеюсь, бывшим), вопросов бы не возникло. Но я – это я, и служба в милиции не сделала из меня алкоголичку. В итоге я рискнула – выпила мелкими глоточками полстакана, отдышалась, занюхала спичечным коробком. Результат оказался полностью противоположным – память только укрепилась.

Я вышла на балкон и стала смотреть на огни. В городе был единственный квартал девятиэтажек – и только здесь можно было подумать, что ты живешь в большом городе. Но Грибов и не был маленьким – учитывая частный сектор и промышленную зону. А на западе от города – тайга, низины, болотистая местность. Единственный поселок в том районе так и называется – Болотный. На юге сплошные леса, редкие деревни. К северу от города – обширное Мараканское урочище. Места красивые, до сих пор загадочные, неосвоенные. Говорят, там есть природные ловушки, «ведьмины круги», целые хребты из скал, где можно заблудиться и пробегать по

замкнутому кругу до старости. Глупость, конечно, но пропадали люди в Маракане, особенно в шестидесятые, когда молодежь не боялась ни бога, ни черта, отправлялась в экспедиции, а запахи тайги и туманы гнали ее в непролазные дебри. Южную часть урочища отдали под заповедник и хоть немного окультурили. Но белых пятен в районе оставалось с избытком. К востоку от города все выглядело более цивилизованно. Две шоссейные ветки – Приваловская и Покровская, мосты через полноводный Карагач, текущий с юга на север, за мостами два поселка: севернее – Арбалык, южнее – Мыtareво, довольно современные, с добротными домами, с промышленными предприятиями. Там были школы, детские сады, поликлиники. В Арбалыке на улице Тюленина проживала моя мама, и сама я провела там несколько лет своей жизни...

Воспоминания давили – и я сдалась, отдаваясь им. Вернулась в комнату, расправила на диване простыню, принесла пододеяльник. Выключила свет, оставив гореть лишь светильник над головой...

Память вернулась. В конце пятидесятих годов мы жили в Грибове на улице Коминтерна. Воспоминания о детстве были смутные, но все же были. Частный дом, несколько комнат. Потолки осыпались, половицы под ногами угрожающе прогибались, но все же для меня это были хоромы. Отец оставил семью, но связь с нами не терял. Мама слыла модницей – помню, как вертелась перед зеркалом, примеряя соб-

ственноручно сшитые наряды. Школа находилась в десяти минутах ходьбы. Город в те годы выглядел по-другому. Зданий выше трех этажей почти не было. Тот сентябрьский день я запомнила, хотя и не весь. Почему так произошло – даже умные врачи не могли понять. Мне было одиннадцать лет, возвращалась из школы, свернула в переулок, чтобы не попасться хулигану Малееву (к сожалению, не однофамилец моего беспутного мужа), пошла по короткой, но «опасной» дороге. Кавычки можно снять, она и впрямь оказалась опасной. Помню, как шла, помахивала портфелем (который впоследствии так и не нашли), красный галстук реял на ветру и норовил попасть в рот. Стояла машина, в ней кто-то возился, попросил помочь. Запомнила резкий запах от тряпки, что прижали ко рту... И все. То есть вообще все. Память включилась гораздо позже, последующей ночью. Я металась по сумраку, билась в сырые стены. Страх охватил – прямо детский. Кто-то гнался за мной. Выбежала на улицу, потом в лес, меня преследовали. Мужчина то смеялся, выкрикивал угрозы, называя меня по имени. Место было безлюдным, заброшенные строения, лесополоса. Я выскочила на дорогу, гудели машины. Кто-то хотел остановиться, но гремели выстрелы – и меня никто не забрал. Помню, как чесала по дороге, сходя с ума от ужаса, споткнулась, меня схватили, потащили в лес. Я уже не могла сопротивляться. Потом были крики, ревели сирена, мимо, на мое счастье, проезжал милицкий экипаж! Злодея они толком не видели. Тот испугал-

ся, отшвырнул меня, бросился в лес. Видимо, я сама выбежала на дорогу, и добрые дядечки в погонах меня защитили. Даже то, что запомнилось, восстанавливалось плохо. Я долго приходила в себя, выла, плакала, потом замкнулась. Но имя собственное назвала. Прибежали перепуганные родители – шутка ли, ребенок пропал после школы, а нашли его только ночью – в восьми километрах от школы и отчего дома. И в каком виде нашли! Вся в синяках, порезах, на запястьях волдыри. К тому же ранее пропали две девочки десяти и одиннадцати лет – Оля Конюхова и Катя Загорская. Одна утром спешила в школу, другая вечером гуляла с подружками, но все вернулись домой, а они – нет. Тоже неверной дорогой пошли? Судя по всему, я должна была стать третьей... Сутки валялась в больнице, родители не отходили от меня. Врачи лечили раны, мазали зеленкой, марганцовкой. Позже узнала, что со мной беседовал психиатр – умный дядечка, выписанный из Красноярска. «Психика ребенка не пострадала, – вынес заключение психиатр. – Пережить ей пришлось многое, но девочка здорова. Одна заковыка: эта странная потеря памяти... Что за избирательность: здесь помню, здесь не помню?» А я виновата? Я не помнила, что со мной происходило той ночью. Только финал драмы – метание по подвалу и так далее. И ничем не доказано, что мое похищение связано с пропажей Оли и Кати. Точно ли это был подвал? Да, я была уверена. На улицу выбежала по короткой лестнице наверх. Неглубокий, но подвал. Меня опрашивали мили-

ционеры. Родители были против, но их согласие и не требовалось. Я сама хотела помочь! Сотрудники были в недоумении: может, притворяется, что ничего не помнит? Но доктора заступались за меня – мол, такой вид амнезии, редко, но бывает. Я как могла описала место, где находилась. Но что я могла описать? Какое расстояние пробежала, пока меня поймал патрульный экипаж? Это был участок Покровского шоссе перед мостом через Карагач. Вдоль дороги – склады, сельскохозяйственные хранилища. Искали, но ничего не нашли. Как найти иголку в стоге сена? Меня водили за руку, угощая барбарисками, но я ничего не узнала. Кто меня преследовал? Тоже вопрос интересный. В то время я оперировала другими категориями: Бармалей, Карабас-Барабас, злой и страшный серый волк, плохой дядечка... В переводе на взрослый мои показания звучали примерно так: мужчина среднего роста, средней плотности, одет в мешковатый балахон с капюшоном, подвижен, хотя и кряхтит. Лица не видела. Возраст – непонятный. Вроде не молод, но утверждение субъективное, для меня в то время все мужчины старше двадцати были глубокими старцами. Голос... Грубоватый, но может менять модуляцию, говорить почти ласково (во всяком случае, ему так кажется). Есть ли у человека высшее или хотя бы среднее образование? Увы, я даже слов таких не знала. Как описать этот голос? Да никак! Если дадут послушать, может, и узнаю... У меня волдыри на запястьях, значит, привязывали. Что я могу об этом сказать? Да ничего я не могла сказать,

белое пятно в памяти!

Дело закончилось ничем. «Поздравляю, мамаша, у вас бойкая девочка, – сказал офицер милиции. – Она не сда-лась, проявила смекалку, продемонстрировала волю к победе – и ей удалось бежать. Не всем такое удастся, берегите свою дочь». Пропавших Олю с Катей не нашли. Родные тер-зались, надеялись – вдруг живы? Мало ли что, похитили, вы-везли в другую область или даже за границу, сейчас у них другая жизнь, может, и счастливая. Кто отнимет у родите-лей последнюю надежду? Были сердечные приступы, писали в прокуратуру, жаловались на бездействие органов, но след-ствие с места так и не сдвинулось. Если не ошибаюсь, семьи Загорских и Конюховых разъехались, одни подались в Крас-ноярск, другие на восток, продолжали как-то жить. Мне по-везло больше других. Мама забрала меня из школы, мы пе-реехали в Арбалык, где я стала ходить в другую школу. Ее и окончила. Отец погиб на работе от удара током, когда я училась в седьмом классе. Жили с мамой в частном доме. Последние два года я училась как проклятая, старалась не зубрить, а понимать. Подала документы в красноярский фи-лиал Томского юридического института и прошла по кон-курсу! Пять лет жила в общежитии, окончила с дипломом с отличием. Серьезных отношений за годы учебы не было, но науку интима, пусть не в полном объеме, освоила. Вер-нулась в родные края, хотя могла поехать и в Москву. Мама по-прежнему жила в Арбалыке, нашла «молодого человека»,

поженились, но и этот несчастный скоропостижно скончался. Город Грибов я не узнала. Все изменилось. Тянулись в небо многоэтажки, открывались новые предприятия. Город превратился в важный центр металлургической обработки. Зябнуть в Арбалыке я не собиралась, нацелилась на общежитие в Грибове. Но дико повезло. У покойного мужа моей мамы была квартира в новостройке – мужчина оказался непростой, полжизни провел на Севере. Квартира перешла моей матери. Но уезжать из Арбалыка она не хотела. «Живи, дочь. Прописывайся, обустраивайся. Надеюсь, будешь счастлива». Сказать, что я была на седьмом небе – это просто промолчать! Устроилась в милицию, смирившись с тем, что звезд с неба хватать не буду. Столкнулась на улице с Виткой Малеевым, оба удивились. Он предложил посидеть в кафе, пообещав, что не будет дергать меня за косички. А я в свою очередь пообещала, что не буду подкладывать под него кнопки. В общем, душой оказалась, прожили шесть лет – ни детей, ни удовольствия...

С той ночи, когда за мной по лесу гонялся «страшный серый волк», минуло семнадцать лет. История забылась, ничего подобного не повторялось. Я занималась мелкой уголовщиной – воровством, драками, подумывала о переходе в уголовный розыск. Тамошние опера во главе с Горбанюком искренне недоумевали: неужели я правда этого хочу? Смеялись, что карьеру я на этом не сделаю, сравнили свой отдел с кораблем, на борту которого присутствие женщин неже-

лательно. Дискриминацию никто не отменял даже в самом справедливом в мире государстве...

И вдруг все озарилось ослепительным светом. Я смотрела на мертвую Дину Егорову, с головы которой сняли скальп, и остро чувствовала, как возвращается прошлое. Не скажу, что все вспомнилось идеально, но детские тела со снятыми скальпами я увидела. Причем так ярко и в деталях, что чуть не сошла с ума. Затем вспомнилось все остальное, картинка складывалась. словно фильм монтировали: резали пленку, склеивали. Меня отключили, видимо, эфиром, привезли в подвал, там я очнулась, привязанная к крюку. Это был ма-
ньяк, никаких сомнений, до этого он похитил Олю с Катей, надругался над ними, насильовал в своем подвале, затем зверски задушил и снял скальпы. Трупы временно оставил в подвале, и я на них наткнулась. Меня поджидала та же участь, но у злодея были дела, а спешить он не хотел, чтобы не ском-
кать удовольствие. Место было заброшенным, и он не боялся, что придут посторонние. Сделал свои дела, вернулся. Я же ухитрилась выпутаться с помощью скрепки. Он не ожидал, что я пролезу между ног, оттого замешкался. Дальше – понятно. Воспоминания стабилизировались, картинка устоялась. Мертвые девочки настолько ярко стояли перед глазами, что впору зажмуриться. Почему? Ведь прошло семнадцать лет! А детская память такая неустойчивая... Вопрос к психологам, психиатрам и специалистам по устройству головного мозга. Одну из девочек я, кажется, знала, мы учи-

лись в одной школе. Но трудно идентифицировать лицо, когда нет волос, а верхняя часть головы залита кровью... Что за зверь такой? Получает удовольствие от того, что вытворяет со своими жертвами? Другого объяснения не было, корыстный и прочие мотивы отсутствовали. Про маньяков-педофилов я слышала на факультативных занятиях в институте. Явление приписывалось буржуазному обществу. Хотя... лектор неохотно признавал: в Советском Союзе данная проблема также существует. Информация не для широкой публики, а для тех, кто этому явлению противостоит...

Только теперь доходило: а ведь и после спасения я подвергалась опасности! Преступник не был уверен, что я его не разглядела. Но шли дни, за ним никто не приходил, расследование сошло на нет. И он решил оставить меня в покое. Больше подобных случаев в городе не происходило. Зверь перестал выходить на охоту. Почему? Сел в тюрьму, переехал, исправился? И вот проходит семнадцать лет, похищена десятилетняя девочка, найден ее обнаженный труп. Она изнасилована, задушена, да еще и скальпирована...

Это не могло быть совпадением. Действовал тот же субъект. Откинулся с зоны, вернулся на родные хлеба? Понял, что погорячился с исправлением? Взялся за старое, и убийства будут продолжаться? И самое интересное – он может знать, кто я такая. Несостоявшаяся жертва, уязвленное самолюбие. Уже не глупая девчонка, а женщина с юридическим образованием и опытом работы. Возраст не тот, но он ведь

не давал себе зарок не убивать взрослых? Некстати вспомнилось: при осмотре тела Дины возникло неприятное жжение в спине. Навалилось тогда изрядно, просто не придавала значения. Могли наблюдать из кустов на другой стороне дороги, видели, кто приехал на вызов. Старая байка, что преступника тянет на место преступления, может, и не байка вовсе?

Я вскочила в два часа ночи и стала блуждать по квартире. Страхи возвращались. Где был этот нелюдь семнадцать лет? Не важно. Теперь он снова в строю. В пятьдесят девятом орудовал именно он, а теперь вернулся, и знаю об этом только я...

Мысль была убийственной. Значит, следовало рассказать еще кому-то. Но с кем поделишься столь длинной историей в два часа ночи? Нынешние сотрудники и не знают о той истории. Она не прибавила престижа советской милиции. Пожилые могут вспомнить, но будут «плавать». Родные пропавших девочек давно не живут в городе. Где работал в пятьдесят девятом году подполковник Хатынский? Да нигде, пришел в управление годом ранее меня, перевелся то ли из Канска, то ли из Ачинска...

Я убедила себя не пороть горячку, попыталась уснуть. «Спи спокойно, дорогая, – уговаривала я себя. – Никто не придет тебя убивать. Посмотри на себя, размазня несчастная, а еще сотрудница милиции!» Кое-как я уснула.

А проснулась ночью – страх сковал суставы. Тихо провернулась собачка в замке, но я услышала, хотя между мной

и входной дверью была еще одна дверь! Лежала ни жива ни мертва, стараясь не дышать. Может, почудилось? Как говорил один мой шапочный знакомый, пролежавший год в психлечебнице (до этого он разобрал на детали телефонную трубку): немного паранойи не повредит. Было тихо. Я расслабилась. Померещилось... Но снова онемела кожа на лице – тихо звякало, злоумышленник просунул руку в щель и снял цепочку. Я должна была бежать, бить его по рукам, звать на помощь! Но не могла пошевелиться, мной овладела предательская слабость. Снова тишина, потом открылась входная дверь. Человек вошел, постоял на пороге, двинулся дальше. Онемение прошло, нужно было что-то делать! Я как сомнамбула поднялась с дивана, села, зачем-то сунула ноги в тапочки. Никакого оружия поблизости. Телефон не оружие, да и жалко. Я пошарила вокруг себя, левая рука уперлась в стену, зацепила металлический настенный светильник. Он едва держался, Малеев прикручивал его шурупами к стене, искрошил весь бетон. Конструкция поддалась, звякнула стеклянная подвеска. Второй рукой я выдернула шнур из розетки. Приоткрылась дверь из прихожей в гостиную, что-то перетекло, застыло посреди арочного проема. Человек всматривался. Я подскочила с неудержимым индейским воплем, метнула светильник! Получай, маньячина! И ведь попала, прозвучал вопль, злоумышленник отпрянул, повалил стул, стоящий у стены. Я вскочила, пользуясь замешательством противника, бросилась в атаку, оттолкнула его, метнулась в

коридор, побежала к входной двери.

– Ритка, дура, ты что, спятила? – прохрипел злоумышленник.

Неясное чувство заставило остановиться. Голос был знакомый, а я, кажется, оконфузилась. Помялась, вернулась к проему и включила свет в гостиной. Поражение было точным, светильник угодил Малееву в голову. Разбились подвески, лопнули лампочки. На лбу у Малеева набухла роскошная царапина. Он стряхивал с кофты осколки стекла, но напрасно – стекло вцепилось в шерсть, он только ранил пальцы.

– Это кто тут дура? – не поняла я. – Крадешься, как тать в ночи, а я виновата? Меня из-за тебя чуть кондратий не хватил! Малеев, объясни, какого рожна тебе надо в моей квартире в два часа ночи? В постель ко мне решил прыгнуть? Елкина уже не котируется? И давай сюда ключи, иначе замки поменяю!

Мой бывший имел несчастный вид, даже жалость взяла. И напрасно, своим «эффектным» появлением он просто разорвал мою нервную систему!

– Ритусь, прости, хреново мне, – начал плакаться Малеев. – Пусти обратно, я больше не буду...

Детский сад, да и только! Я рассмеялась демоническим смехом.

– Малеев, все кончено! Будь мужиком, прими эту чертову реальность! Ты трахался с бабой в нашей постели, будучи

уверен, что я на работе. И предлагаешь тебя простить? Понимей мужество, Малеев, не ной, что бес попутал, жить негде. Забирай свои вещи и катись к Елкиной. Уверен, она тебя приютит. Но знаешь, баба не дура, понимает, что если ты со мной так поступил, то и с ней так же поступишь. Уходи, Малеев, будь человеком, – взмолилась я. – Мне и без тебя тошно. В понедельник придешь, заберешь свои вещи.

– Может, хоть покормишь? – сник этот несчастный. – Светка готовить не умеет. Ты тоже не повар, но хотя бы не травишь. Да и нет ее, к матери в больницу на ночь умотала. У нас рыбка в морозилке есть, я знаю. Там немного, но мне хватит, быстро пожарю...

– Блистательно, Малеев, – восхитилась я. – И рыбку съесть, и на елку влезть. Может, тебе еще и рюмочку налить? Ладно, горе луковое, жарь свою рыбу, но, чур, не засиживаться, спать пора. Поел – и отвали, моя черешня.

Я считала с пола осколки, украдкой посмеиваясь, а Малеев колдовал на кухне. Гремели шкафы, шипело масло на сковородке. Светильник свой срок завершил ударно – аж железо погнулось.

– Милая, посиди со мной, – жалобно протянул Малеев. – Давай поговорим, не уходи...

Он давился своей камбалой, а я сидела на пионерском расстоянии, скрестив руки на груди, и выражала полное презрение. Где же раньше была моя проницательность? Все отдала работе, не видела, что происходит под носом. Витька, под-

лец, променял меня на Елкину, а теперь с такой же легкостью готов поменяться обратно. А Светка дура, свято верит, что у них все будет, как в сказке. Малеев жадно ел, поглядывая на меня со щенячьей преданностью. «Сейчас насытится и будет окучивать», – подумала я. Смотрела на него и еле сдерживала улыбку. «Витя Малеев в школе и дома», блин. Была в пятидесятые годы популярная книжка Николая Носова, посвященная бытию обычного советского школьника. Местами забавная, местами нравоучительная. Но написанная талантливо. Совпадение было стопроцентным. Над Малеевым ржали, ехидно спрашивали, поделился ли писатель с ним авторским гонораром. Впрочем, Витька мог за себя постоять, рука у него была тяжелая. Но все равно у него за спиной хихикали. Та история давно забылась. Из школьного хулигана выросло что-то непутевое, хотя и обладающее высшим образованием.

– Ладно, я виноват, – Малеев закончил трапезу и сыто срыгнул. – Глупо не признать свою вину. Но ведь и ты, Ритуля, не ангелок на этажерке. Давай вспомним, сколько раз за последний год...

Он говорил, распалялся, приводил доводы в свою пользу – смешные, но с видимостью логики. Я тоже начала распаляться, собралась ударить контраргументами. Ну все, держите меня семеро. Но затем передумала. Зачем? Сколько можно себя растрачивать? Малееву ничего не докажешь, мужик всегда прав.

– В общем, давай обо всем забудем, – миролюбиво предложил Малеев. – И начнем все заново, с чистого листа.

– Согласна, – сказала я. И быстро добавила, чтобы он не раскатывал губу, – но только с первой частью твоей декларации. Давай обо всем забудем, Малеев. Шесть лет – это много, но сделаем вид, что их не было. Знаешь, дорогой, – я немного помялась, – ведь дело даже не в том, что ты мне изменил в нашей супружеской кровати.

– А в чем? – физиономия Малеева вытянулась от удивления.

– А в том, что я ничего не почувствовала, – объяснила я. – Ни горя, ни потрясения, ни даже злости. А ведь ты ложе наше испоганил, белье пришлось выбросить. Вот смотрела я на вас, совокупляющихся – и хоть бы что, представляешь? Нормальная баба бросилась бы с кулаками, за нож бы схватилась – а мне вот совершенно было фиолетово. Так, немного удивилась, не более того. Понимаешь, к чему клоню?

– Не понимаю... – Малеев было воспрянул, а теперь опять начал скисать.

– Не осталось к тебе ничего, Малеев, – популярно объяснила я. – То есть вообще ничего, пустота. А это самое страшное. Поэтому давай вести себя как нормальные люди. Мой посуду и вытряхивайся из моей квартиры. Из МОЕЙ – понимаешь смысл слова? На машину тоже не облизывайся, да и водить все равно не умеешь. И давай без сцен. Ты же не в тюрьму уходишь, Елкина нормальная баба... если присмот-

реться. И без воплей, не багровей. Посмотри на меня внимательно. Представь, что такое тротиловый эквивалент. Угроза позвонить моим коллегам остается в силе. А они очень не любят, когда их будят посреди ночи...

Он в итоге убрался, а я уснула. Пробудилась утром и пропела славу господу: спасибо, Господи, что сегодня снова выходной! Свернулась в позе эмбриона и провалилась в сон. А когда очнулась, можно было уже и не вставать. Выходной заканчивался. Потрясающе! В голове царил муть, мысли не клеились. Малеев своими посещениями больше не радовал. Я склевала все, что осталось на кухне, смирила взглядом отошавшее отражение в зеркале. Это был трельяж, и худых уродок я насчитала целых три! Остаток вечера бесцельно прошаталась по квартире. За окном шел дождь, не хотелось выходить даже на балкон. Телевизор не работал, читать я не могла – строчки плясали перед глазами. Делать генеральную уборку было поздно. Да и незачем. Пусть Малеев унесет свои вещи, тогда и сделаю.

Я уснула лишь после лошадиной дозы снотворного. Утро понедельника было соответствующим – мир шатался и распадался на атомы. Я поехала на работу в штатском – в таком состоянии только мундир позорить. Синий «Москвич» бодро бежал по центральным улочкам городка. В дороге я пришла в себя, подкрасилась на светофоре. И все же у входа в управление произошел конфуз. Я лихо подрулила к ступеням, затормозила. Боковое зрение сегодня не работало.

Слишком близко подъехала к стоящим справа белоснежным «Жигулям» – эта машина прибыла за мгновение до меня, водитель еще не вышел. Что-то хрустнуло, разбилось. Мое зеркало заднего вида зацепило зеркало «Жигулей». Первое оказалось прочнее, почти не пострадало. У соседа же раскололся пластиковый корпус, часть его повисла в кронштейне, само же зеркало упало на асфальт и лопнуло. А я виновата?! Голова непроизвольно втянулась в плечи, я затаила дыхание. Осторожно покосилась через плечо. На водительском сиденье «Жигулей» кто-то возился. Попытался открыть дверь, но она уперлась в мою машину. Водитель со злостью ее захлопнул, опустил стекло. В проеме возникло раздосадованное мужское лицо, темные глаза недобро меня ощупывали. Он что-то сказал, я не слышала, но догадалась. Включила заднюю передачу, откатилась назад – и снова подъехала, теперь соблюдая дистанцию. Мужчина вышел из своей белоснежной красавицы и мрачно уставился на свисающие обломки зеркала. Делать было нечего, я тоже вышла, обогнула капот. Он смотрел на меня исподлобья, враждебно. Субъект был, слава богу, в штатском (видимо, вызвали по повестке), довольно высокий, плотно сложенный. На лицо я даже внимания не обратила – обычное лицо, вроде нормальное. Но эта неприязнь в глазах, которую он на меня просто изливал, решительно не понравилась.

– Вы что вытворяете, гражданка? – спросил он. – Эта машина была такой незаметной?

– А чего вы тут встали? – буркнула я и отвела глаза. Кажется, щеки заалели.

– Понятно, – кивнул субъект, – вину признавать не желаем, ведем себя грубо и вызывающе. Что будем делать – ГАИ вызывать?

– Грубо и вызывающе? – удивилась я. – Знаете, гражданин, если я буду вести себя грубо и вызывающе, то вам не понравится еще больше. Признаю я свою вину, отстаньте, – бросила я. – Задумалась, не заметила, с вами такого никогда не случалось? Ущерб возмещу, но сейчас, извините, не до вас, работать надо. Напишите свои данные в блокноте, вырвите лист и суньте под стеклоочиститель. Прошу простить. И знаете... очень неприятно было познакомиться.

Я задрала нос и двинулась вверх по лестнице. На нас уже посматривали, перешептывались: дескать, бабе в руки руль – то же, что обезьяне гранату с выдернутой чекой...

– Вы здесь работаете? – спросил он в спину.

– Представьте себе.

– Назовите свою фамилию, если не сложно.

– Вахромеева! – Я распахнула дверь и с силой захлопнула, войдя в здание. Да пошли они все! Подумаешь, еще одна проблема. Я их скоро перестану замечать. С гордо поднятой головой я прошествовала мимо дежурного, поднялась по лестнице. У дверей своего кабинета вспомнила, что забыла в машине сумочку, ругнулась, воровато посмотрела по сторонам (не слышал ли кто) и пошла обратно.

– Вахромеева, ты куда? – бросили в спину.

– В депо, – машинально откликнулась я.

– Смешно. Но неуместно, – меня догнал подполковник Хатынский, и пришлось остановиться. – Ты же не сбегаешь с работы, нет?

Я объяснила, что забыла в машине сумочку. Не имею права?

– Предвосхищаю ваш третий вопрос, Виктор Анатольевич, голову не забыла.

– Ладно, – Хатынский раздраженно поморщился. – Заканчивай свои утренние приготовления и чтобы через десять минут была в моем кабинете. Как здоровье, кстати?

– Спасибо, что спросили, думала, не спросите. Я в порядке, Виктор Анатольевич, до обеда инсульта не будет.

Я подкралась к кабинету начальства ровно через десять минут, поскреблась в дверь, что-то предчувствуя. Поэтому не удивилась. В кабинете сидел тот самый тип, чью машину я так ювелирно отрихтовала, и, не мигая, смотрел на меня. Взгляд его за прошедшие четверть часа ничуть не потеплел.

– Проходи, Вахромеева, будь как дома, – великодушно соизволил предложить Хатынский. – Познакомьтесь, это Туманов Михаил Сергеевич, майор, старший следователь краевой прокуратуры. Вахромеева Маргарита Павловна, старший дознаватель. Товарищ Туманов прибыл расследовать дело Дины Егоровой. Все отделы и структурные подразделения обязаны оказывать нашему гостю посильное содействие.

Это приказ.

«В баню его не забудьте сводить, – подумала я. – Попарить и напоить».

Мужчина приподнялся, помялся и протянул руку. Я тоже помялась, но пожала.

– Вы знакомы? – насторожился наблюдательный Хатынский.

– Нет, мы впервые видим друг друга, – медленно произнес Туманов. Но выразительный взгляд явно говорил об обратном. Майор был молодой, да ранний. Если присмотреться, лишь на пару лет старше меня. Добротный костюм из мягкой шерсти сидел как влитой. Бежевый плащ был свернут и покоился на спинке стула.

«Городской пижон, – мгновенно оценила я. – Понаехали тут...»

– Я правильно понимаю, Виктор Анатольевич, вы решили поставить меня на это дело? – уныло спросила я.

– А кого, если не тебя, Вахромеева? – подполковник нахмурился. Он хотел услышать от меня другое. – Ты выздоровела, полна сил, имеешь потенциал. Не только ты, все управление будет заниматься этим делом. Михаил Сергеевич имеет опыт в подобных расследованиях, грамотный специалист, сам из здешних мест. Надеюсь, Михаил Сергеевич, вы работаете с нашими сотрудниками, в частности с Маргаритой Павловной. Она, конечно, не простой человек... – Виктор Анатольевич снова свернул на скользкую тропу, но по-

спешил вернуться. – В общем, насчет рабочего места мы с вами определились, транспорт вам не нужен – имеете свой...

«Подбитый», – подумала я.

– Вам передадут материалы дела – отчеты экспертов, оперативного отдела, протоколы опроса свидетелей... Есть вопросы к товарищу Туманову, Маргарита Павловна?

– Вы прибыли один, товарищ Туманов? – спросила я. – Или представляете группу лучших краевых специалистов, которые за сутки докопаются до истины?

– Чувствую иронию в твоих словах, Вахромеева, – подметил Хатынский. – Не обращайтесь на нее внимания, Михаил Сергеевич, все новое Маргарита Павловна встречает в штыхы.

– Уже заметил, это нестрашно... Прибыл один, – пояснил Туманов, не сводя с меня темных вьедливых глаз. – Но лучшие специалисты ждут своего часа, чтобы направиться в этот город и навести здесь свои порядки. С вашего позволения, Виктор Анатольевич, я навещу оперативный отдел.

– Да, конечно, – Хатынский встрепнулся. – Вам будет оказано необходимое содействие, товарищ майор. А ваши лучшие специалисты... пусть посидят в Красноярске, хорошо? Маргарита Павловна, вы тоже можете идти.

– Виктор Анатольевич, попросите меня задержаться, – сказала я.

Оба уставились на меня с удивлением. Туманов поднялся, направился к выходу, смерив меня придиричивым взглядом.

– Ну, хорошо, прошу вас задержаться, Маргарита Павловна, – неуверенно произнес Хатынский.

– Слушаюсь, товарищ подполковник.

Дверь мягко закрылась.

– Вахромеева, что за демарши? – Виктор Анатольевич мгновенно переменился в лице. – Что ты взъелась на этого парня? Я же не слепой. Знакомы, что ли?

– Нет, Виктор Анатольевич, просто полчаса назад мы столкнулись с вашим товарищем у крыльца управления, причем столкнулись без всяких фигуральностей...

Я рассказала печальную историю неvezучей автолюбительницы. Все готовы ополчиться на бедную женщину. А он там стоял – да еще весь белый, блин. Виктор Анатольевич сделал страдальческую мину и схватился за голову.

– Молодец, Вахромеева, так держать, – простонал он. – Из всех машин на свете ты предпочла именно эту. Будешь восстанавливать, лично бегать по мастерским и договариваться с механиками. Потрясающе, Вахромеева. Что ты за человек такой? Вот смотрю на тебя и не знаю, откуда ты нанесешь очередной удар.

«Есть одна задумка», – подумала я.

– Ты пойми, мы все находимся в заднице, – подполковник перешел с ругательств на почти нормальную речь. – Кровавый насильник-убийца надругался над внучкой председателя горисполкома. Это нормальная ситуация для промышленного города? В то время, когда все трудящиеся дружно

строят социализм...

– Коммунизм, товарищ подполковник, – скромно поправила я. – Социализм уже построили, – хотела добавить «с божьей помощью», но постеснялась.

– Да какая разница? – рассердился Хатынский. – Снова ты, Вахромеева, умнее всех. Элементарных вещей не понимаешь? Нас же размажут! Не свое начальство, так краевое! Дружить надо с этими залетными, в рот им смотреть, а не тачки их курочить!

– Может, лучше преступление раскрыть? – осторожно спросила я.

– Это тоже, – отмахнулся Хатынский и вымучил несчастную улыбку: – Ты как, вообще, Вахромеева? С настроением, вижу, проблемы, цвет лица – нездоровый. Ты точно в строю?

– В строю, Виктор Анатольевич. Не спрашивайте каждые полчаса.

– Подожди, а что хотела-то? – вспомнил Хатынский. – Рассказать, как ты доблестно долбанула «копейку» Туманова?

– Поговорить надо, Виктор Анатольевич. Пока наедине. Потребуется полчаса как минимум. И отнеситесь к этому серьезно.

– Замечательно, Вахромеева, – всплеснул руками Хатынский. – Подумаешь, полчаса рабочего времени. Ну давай, что там у тебя наболело? Пять минут уже прошло. Подожди... ты беременна?

Далась им всем моя беременность!

– Я не беременна, Виктор Анатольевич. Даже больше скажу, я развожусь со своим мужем. Но и это не имеет отношения к разговору.

– Знаешь, Рита Павловна, мы еще не начали разговор, а ты меня уже убила, – уныло заметил Хатынский.

«О, вы еще не знаете, что будет дальше», – подумала я.

Повествование прерывалось дважды. Постучалась секретарь, спросила, не здесь ли некая Вахромеева, которую потеряли в отделе? Потом зазвонил телефон, Виктор Анатольевич раздраженно схватил трубку и положил обратно. Он слушал меня угрюмо, не прерывая, пару раз порывался что-то сказать, но отменял решение. Дослушал до конца как увлекательную, но мрачноватую сказку на ночь. Как ни крути, а она имела прямое отношение к нашей работе. Я завершила рассказ, и наступила тоскливая тишина.

– Лучше бы ты была беременной, – резюмировал Виктор Анатольевич и печально уставился на дверцу шкафа из мутного стекла, за которой держал коньяк. Утверждение было спорным, но я не стала комментировать. Хатынский колебался, борясь с искушением выставить меня за дверь. Нет человека – нет проблемы.

– Спасибо тебе, Вахромеева, – наконец с чувством поблагодарил подполковник. – Ты превзошла саму себя. Умеешь же собрать все проблемы и вывалить на голову... Ладно, давай разбираться. То, что за работой криминалистов наблю-

дали из ле-са – отвергаем сразу. Это параноя. Не усложняй.

– Как скажете.

– Не знал, что ты была замешана в той истории... Знаком с ней понаслышке, меня тогда в Грибове не было. Личный состав давно сменился, никого не осталось. Городской милицией в те годы руководил Бережной Павел Лукьянович. Он уже был не молод, вышел на пенсию и скончался. После него на посту начальника ГУВД сменились двое. Я – третий. Чего ты хочешь от меня, Рита? То дело давно забылось и быльем поросло.

– И вдруг вспомнилось, Виктор Анатольевич. И мертвые девочки стали вставать из могил...

– Да иди ты, – испугался подполковник. – Мертвые девочки у нее, видите ли, в глазах...

– Две девочки, Оля Конюхова и Катя Загорская, пропали бесследно. Их не нашли ни живых, ни мертвых. Расследование зашло в тупик, дело закрыли. Если бы не моя потеря памяти, маньяка продолжали бы искать и могли найти.

– Это точно были они?

– Точно. Другие девочки тогда не пропадали. С Катей Загорской мы учились в одной школе – знакомы не были, но сталкивались на переменах.

– То есть ты увидела скальпированные трупы девочек в подвале и от страха потеряла память? – со скепсисом спросил Хатынский и почесал переносицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.